В.В.Кусков

ПАМЯТИ ДРУГА

Ушел из жизни Андрей Николаевич Робинсон — выдающийся ученый-филолог, крупный специалист в области истории древнерусской и славянской литератур, чьи труды пользуются широкой известностью не только в нашей стране, но и за рубежом.

Хочу поделиться своими воспоминаниями о далеких днях нашей студенческой молодости, когда полные надежд, романтических мечтаний мы собрались на окраине Москвы, в Сокольниках, в Ростокинском проезде в стенах Московского Института истории, философии и литературы, т.е. МИФЛИ.

Все прошли строгий отбор мандатной комиссии, где всегда присутствовала несколько зловещая фигура в черной гимнастерке тов. Додзина (уполномоченного соответствующих органов) и где с доброй улыбкой председательствовал Михаил Никитич Зозуля. Шел 1937 год, суровое время, которое мы по-настоящему поняли после.

И вот первые занятия на первом курсе, первые поточные лекции в 12 и 15 (самой большой аудитории), где на сцене в деревянном кресле сидел Д.Н.Ушаков и читал нам, первокурсникам, фонетику русского языка. И, наконец, языковые занятия немецким языком и латынью. Волею судеб и деканата я попал в одну языковую группу с Андреем Робинсоном, Верой Плотниковой, Владимиром Комом, Борисом Коганом, Тусей Домычевой. Среди нас, первокурсников, преимущественно восемнадцатилетних, Андрей выделялся своей внешней подтянутостью и интеллигентностью. Он был старше нас на целый год и поражал своей начитанностью, рассудительностью.

Вскоре, начиная со второго курса, определились и наши будущие научные интересы. Их в значительной мере определил Николай Каллиникович Гудзий, который в третьем семестре начал читать у нас, второкурсников, историю древнерусской литературы. Лекции прославленного профессора увлекли нас, и вскоре Андрей Робинсон, Вера Плотникова, Володя Никаноров и я стали членами семинара Н.К.Гудзия.

Семинар определил нашу дальнейшую судьбу. Нам были предложены темы Н.К.Гудзием, и каждый из нас избирал тему, намереваясь довести ее до конца. А.Н.Робинсон избрал для

своего изучения «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков».

Все мы, участники семинара, находились под обаянием личности своего учителя. Он сразу же стал приобщать нас к большой настоящей науке. Приглашал на заседания группы по изучению древней русской литературы, где нас поразила русская красавица Вера Дмитриевна Кузьмина, выступавшая с научным докладом. При том Н.К.Гудзий доверительно сообщил нам, что Вера Дмитриевна инженер-мостовик и уже построила не один мост, а вот теперь нашла себя в качестве исследовательницы "Повести о Бове Королевиче". Пригласил нас Николай Каллиникович и во Всесоюзный Комитет по делам высшей школы, где проводилось обсуждение только что появившегося его учебника «История древнерусской литературы». Учитель приглашал своих учеников к активному участию в дискуссии. Андрей выступил с очень содержательным словом.

Изучению «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков» Андрей предавался самоотверженно и самозабвенно. Работа его увлекала. Он начал тщательно изучать рукописи и испытал подлинную творческую радость, когда ему удалось обнаружить автора повести — казачьего есаула Федора Порошина.

Однако не только наука занимала Андрея, которого мы, близкие его сокурсники, называли Дориком. У себя дома в небольшой квартирке в Мертвом переулке, который тогда носил название переулка Островского, он раскрывался еще с одной чисто человеческой стороны. Все мы в группе знали об увлечении Андрея Верой Плотниковой и радовались развитию из взаимной любви. Дома в неофициальной обстановке ярко проявлялась поэтическая натура Андрея. Он самозабвенно любил поэзию и великолепно читал стихи Владимира Маяковского, подражая Антону Шварцу. Все мы тогда увлекались знаменитыми чтецами: Владимиром Яхонтовым, Антоном Шварцем, Эммануилом Каминкой, Дмитрием Журавлевым. Часто ходили на их концерты.

Надолго остались в памяти наши шумные студенческие небольшие сборища в Стромынграде (общежитии на Стромынке), где группой мы собирались все вместе, шумно спорили, читали свои стихи, а Андрей всегда читал стихи Маяковского и вызывал всеобщее восхищение. Вспоминается день рождения Дорика в августе 1939 г. на даче в Братовщине (ст. Правда по Ярославской ж.д.). Помню, с каким оживлением Дорик и Вера танцевали тогда, как яркий румянец горел на щеках и как они самозабвенно отдавались танцу.

1939 год! Всеобщее ощущение тревоги. Зима. Финская война. Часть наших товарищей добровольцами пошли на фронт. Вскоре пришла весть: Виктор Панков, ушедший на фронт, возвратился с обмороженными ногами. Тогда мы много говорили, но не только о военных событиях. Начались политические

процессы. Они коснулись и нас, студентов. Бурные комсомольские собрания. Обсуждение на них судеб студентов — детей «врагов народа». Андрей участия в этих сборищах не принимал. Осторожно говорил о страшной власти толпы, стадности, которые к добру никогда и никого не приводят.

Наступила Отечественная война и мы разлучились на несколько лет. Андрей вместе с институтом уехал в эвакуацию, а затем ушел на фронт.

Встретились мы с Андреем уже после войны в Серебряном бору. Андрей — молодой счастливый супруг, аспирант кафедры русской литературы МГУ, заканчивал свою кандидатскую диссертацию. Он показал мне два огромных тома рукописи. Исследование было проведено тщательно. Защита прошла блестяще.

В 1946 г. я уехал в Свердловск на работу в Уральский университет, и теперь с Андреем мы стали встречаться редко. Но всегда при встречах обменивались мыслями и всегда встречались у своего незабвенного учителя Николая Каллиниковича на его квартире на ул.Грановского.